

Мас. 10262

С. 2.

„Каштанка“.

А. П. Чеховъ усталъ отъ людской психологiи и для отдохновенiя обратился къ психологiи животной, къ психологiи собаки, кошки и даже — гуся!

Его новый «герой» — «Каштанка», молодая, рыжая собака, помысь такса съ дворняжкой — вспоминаетъ, соображаетъ, груститъ, видитъ сны, приходитъ въ отчаянiе и въ восторгъ, чуть-что не раскаивается, — словомъ, переживаетъ всю ту внутреннюю жизнь, какую переживаетъ и любой изъ двуногихъ героевъ.

Поймите при этомъ въ виду, что «Каштанка» — не какая-нибудь аллегорiя въ щедриномскомъ духѣ, не изъ «постороннихъ соображенiй», облеченный въ собачью шкуру homo, а просто собака, и вся ея психологiя интересуетъ автора и должна интересовать читателя *an und für sich*. «Каштанка» не имѣетъ ничего общаго — ни, хотя-бы съ «тѣмъ, чего не было» покойнаго Всеволода Гаршина и иными инносказательными произведенiями; это именно психологическiй этюдъ, въ которомъ напрасно стала-бы какой-нибудь догадливый читатель отыскивать скрытый смыслъ.

Насколько эта психологiя вѣрна, вопрошь другой, на который и отвѣчать-то болѣе чѣмъ мудрено; достаточно и того, что она вѣрогнѣ и занимательна, — такую сумѣлъ се сдѣлать талантъ автора.

Это, если хотите, даже дѣтскiй разсказъ, но въ немъ слишкомъ много тонкой отдѣлки, разчитанной не на дѣтское пониманiе, слишкомъ много прекрасныхъ, чисто-чеховскихъ деталей, которыя доставятъ эстетическое удовольствiе вамъ и вызовутъ, пожалуй, зѣвоту у вашего много пасадника.

Уверенъ, наврядъ ли, что ему болѣе скучно покажется та глава разсказа, въ которой описывается — и описывается мастерски — попредѣленно-товмиде, гнетущее настроенiе, охватившее нашего четырехногого героя и его коллегу по артистической профессiи («Каштанка» пошла къ артисту и къ Анатолий Дуровъ), юта Федора Тимофеевича, въ виду ожидаемой смерти ихъ соотварница Ивана Ивановича — ученаго гуся. А межъ тѣмъ, всенно эти страницы покажутся вамъ болѣе интересными; вы повелюно почувствуете всю ихъ глубокую правду и въ

своеобразно окрашенныхъ животныхъ настроенiяхъ узнаете то, что не разъ, быть можетъ, переживали сами. Вы вспомните кстати нѣсколько аналогичныхъ страничекъ изъ «Скучной исторiи» того же А. П. Чехова — и увидите, какъ много въ нихъ общаго, не смотря на всю разницу дѣйствующихъ лицъ (по-неволѣ приходится сей почтенный титулъ приложить къ Дуровскимъ ученикамъ), съ сейчасъ прочитанными въ «Каштанкѣ». Конечно, это былъ смѣлый капризъ автора, но у него хватило таланта заставить насъ подчиниться воспроизведенному имъ настроенiю, и тѣмъ онъ вполне обдалъ себя отъ обвиненiя въ пехоршей оригинальности.

Содержанiе «Каштанки» болѣе чѣмъ несложно: отстала собака отъ хозяйки, попала къ синьору вродѣ Дурова, тотъ научилъ ее пѣть подъ дудку, дѣлать какую-то «египетскую ивразмуду» и другiя штуки въ томъ-же духѣ. Но на первомъ же публичномъ представленiи случился казусъ: среди публики цирковаго райка оказалась «каштанкина» хозяйка съ синьинкой, увидели они прованскую собаку, стали ее звать, — та забыла и про «египетскую ивразмуду», и про кнутъ профессора въ клоушескомъ парикѣ и чуть что не напечала зрителей добралась до своихъ старыхъ хозяевъ и зашла по старому, пражѣвавъ артистическую карьеру на обычныхъ собачьи будни.

Въ итогѣ, весь этотъ разсказъ — болшой пустякъ, но пустякъ очень милый и изданный къ тому-же съ болѣе чѣмъ рѣдкимъ изяществомъ.

Д — ть. 7

< Н. С. Зарос >